

Памяти друга.

То, что было такъ прекрасно и такъ драгоценно, стало ничѣмъ. Оборванною, нѣмою струною, разбитою въ щебенъ статуей, огнемъ потухшимъ, распадающимся трупомъ.

Была волшебная сказка. И вдругъ кончилась, недосказанная. Была живая греза. Ее заколотили въ гробъ.

Второй день ношу я въ себѣ эту страшную мысль: нѣтъ больше Вѣры Федоровны. Никогда не зазвучитъ ея глубокий голосъ, никогда не раскроются ея громадные глаза, не заплачутъ, не засмѣются, не запылаютъ въ творческомъ восторгѣ. Повторяю себѣ это—и не вѣрю, не могу повѣрить. Бунтуетъ душа противъ этой правды, кричитъ ей, неопровержимой, неотразимой, прямо въ лицо: ложь! Злой бредъ! Кошмаръ нелѣпный!..

Я знаю,—нельзя и безмысленно спрашивать: зачѣмъ? На что былъ пужень такой ужасъ? Но что-же дѣлать, когда никакъ не вырвешь своей души изъ когтистыхъ лапъ этихъ отчаянныхъ вопросовъ, когда терза-

ють они ее, рвутъ въ клочья. За чѣмъ?!

Вотъ стоитъ она передо мною, живая: хрупкая, тонкая, взволнованная. Блѣдное лицо въ ореолѣ золотыхъ волосъ, печаль въ бездонныхъ глазахъ, тихая, грустно-ласковая улыбка на вздрагивающихъ тонкихъ губахъ. Усталымъ голосомъ что-то почти шепчетъ: еле слышенъ его звукъ. И вдругъ вся загорается, вся перерождается, стала молодая и свѣтлая, какъ дѣвушка весною, какъ рыцарь передъ поединкомъ. Уже стремительно и звонко бѣгутъ слова, горячія, смѣлыя, красивыя, такъ не похожія на тѣ, что слышишь кругомъ. Въ жаркихъ искрахъ глаза. Гордо откинулась голова. Стоитъ она передо мною увлеченная, вдохновенная, непоколебимая, прекрасная. И говоритъ мнѣ:

— Я не боюсь жизни! Люблю ее, и не боюсь. Чѣмъ жаднѣе люблю ее, тѣмъ меньше боюсь.

И была она въ эти минуты точно крылатый геній... И кто видѣлъ ее, вѣрилъ въ нее, вѣрилъ, что ей обезпечены всѣ самыя прекрасныя побѣды, что ея путь—въ гору, къ высшимъ вершинамъ, къ самымъ гордымъ и самымъ прекраснымъ свершеніямъ творческаго духа. И любилъ ее, любилъ смѣлаго художника, любилъ дерзкаго искателя, котораго судьба одѣла въ непроницаемую броню вѣры и вложила мечъ всепобѣждающаго таланта.

Такимъ побѣдителемъ и шла Коммисаржевская свой путь, во всеоружіи силъ совершенно исключительныхъ, во всеоружіи чаръ плѣнительнѣйшихъ. Казалось, далека отъ этого путь, пройдена лишь меньшая его часть. Я видѣлъ въ послѣдній разъ Вѣру Федоровну сейчасъ по окончаніи московскихъ спектаклей этою осенью. Усталая, она была сильна и бодра. Безконечные толпились въ ея горячей головѣ планы, горѣли самыя отважныя мечты. Я провожалъ въ поездку по несчетнымъ русскимъ городамъ кипучую энергію, не умѣющую остывать энтузіазмъ. Я провожалъ талантъ, сверкавшій, какъ алмазъ. Я радовался за тысячи тѣхъ новыхъ зрителей, которые впервые насладятся ослѣпительною игрою его лучей, за тѣхъ, которые впервые припадутъ къ этому бездонному ключу живой воды художественныхъ восторговъ.

— Вернетесь—непремѣнно сыграете Катерину изъ „Грозы“,—говорилъ я ей. Роль эта ждетъ васъ. Вы грѣшны передъ нею и передъ нами. Другой такой воплотительницы у Катерины нѣтъ, не будетъ.

— Вернетесь—непремѣнно сыграете Орлеанскую дѣву. И она ждетъ васъ, ждетъ вашей великой силы, вашего экстаза, всѣхъ мелодій вашей души.

Я вслухъ говорилъ то, что жило въ тайникѣ этого громаднаго сердца, этой крылатой души. Я называлъ именами то, вокругъ чего въ послѣдній годъ вились художественныя мечты Коммисаржевской, къ чему властно влеклась ея артистическая натура.

И глаза ея дѣлались еще глубже, еще ярче, еще прекраснѣе.

— Вернетесь...

Она никогда къ намъ не вернется! Катерина, ждавшая такой исполнительницы пятьдесятъ лѣтъ, уже не дождется. Тяжелымъ молотомъ ударила судьба, такая безпощадная и жестокая въ своихъ непостижимыхъ капризахъ, по чистому алмазу и разбила вдребезги. Не воскреснуть уже игрѣ его лучей... Налетѣлъ какой-то свирѣпый шквалъ, обломалъ крылья у крылатаго генія. Великое стало ничѣмъ, стало жалкимъ прахомъ.

Ушелъ изъ искусства поразительный художникъ, истинный избранникъ; ушелъ изъ жизни поразительный человѣкъ, ея счастливый баловень. И я не знаю, какая утрата тягостнѣе. Вся Россія скорбно склонила голову надъ гробомъ замѣчательной актрисы, той, кто была совершенною Норою, Гильдою, Гретхенъ, Клерхенъ, Лариссой, Зарѣчной, сестрой Беатрисой, Мелизандою, той, которая излучала чарующую красоту своей души черезъ всѣ образы. Но мы, знавшие Вѣру Федоровну и внѣ театра, знав-

шіе самую носительницу этого несравненнаго таланта,—мы рыдаемъ надъ гробомъ, гдѣ схоронено великое сердце, смѣлый, сверкающій умъ, чарующая красота духа.

Я былъ ея другомъ. Къ дружбѣ съ Вѣрою Федоровной пришелъ я черезъ восторгъ передъ артисткою, давшею мнѣ пережить столько чарующихъ минутъ. Но когда я пришелъ къ этой дружбѣ—другъ сталъ для меня еще дорожее актрисы. И ужъ не могу я сейчасъ, потрясенный этимъ таинственнымъ ужасомъ, мыслить ихъ обихъ порознь. Я могъ раздвигать ихъ, когда, какъ театральныя критикъ, оценивалъ игру Коммисаржевской, разбирая ея творенія.

И перу моему приходилось и славать актрисъ восторженныя хвалы, и посылать укоры. Теперь такое раздвоеніе не подъ силу. Слезы о погасшемъ великомъ талантѣ, которому предстояло еще такъ много сдѣлать, и о погибшемъ другѣ, который такъ былъ близокъ, дорогъ, нуженъ моей душѣ, сливаются вмѣстѣ. Черезъ ихъ завѣсу, которая не таетъ, которую безсилень я разорвать, гляжу я на образъ дорогой Вѣры Федоровны, ушедшій отъ насъ, стоящій теперь у таинственныхъ вратъ неба.

И оттого не могу я стать сейчасъ спокойнымъ, ровнымъ критикомъ, не могу подводить какіе-нибудь итоги ея сценической работы или дѣлать характеристику ея игры, ея таланта, полноцѣннаго, какъ чистое золото, и ея приемовъ. Я могу лишь съ тоскою неизрекаемою смотрѣть во слѣдъ ушедшей. Всѣ, кто зналъ Вѣру Федоровну, поймутъ мою тоску. Поймутъ и тѣ, которые черезъ образы актрисы угадывали человѣка.

Не слова похвалы и восторга, лишь слезы могу я принести на могилу, раскрывшуюся гдѣ-то за тысячи и тысячи верстъ и ожидающую то, что осталось отъ Коммисаржевской. Не „некрологъ“, лишь стонъ души, по которой ударили такъ больно, могу я дать читателю. Пусть онъ заплачетъ вмѣстѣ со мною.

Князь Мышкинъ.

Москва, 11 февраля.

Раннее Утро. Москва 1910. 13 фев.

157
+39